

Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова

(Историко-филологический этюд)

В поэтическом наследии М. В. Ломоносова есть стихотворение, которое не может не привлечь к себе внимания лингвиста — историка русского языка. Оно посвящено одной специальной орфоэпической проблеме, представлявшей собой, можно сказать, камень преткновения для русского общества сер. XVIII в., а именно — произношению буквы *з*; соответственно и называется оно: «О сомнительном произношении буквы *з* в Российском языке».

В церковном чтении (т. е. в соответствии с церковнославянскими орфоэпическими нормами), равно как и в высоком стиле, буква *з* читалась как задненёбный фрикативный звонкий согласный [ɣ]; между тем, в живой русской речи — иначе говоря, в «обыкновенных разговорах» — звучал обычно взрывной [g] (см. об этом: Успенский, 1968, с. 40–44, 60–72; Успенский, 1987, с. 102–105). Если первоначально литературный язык (и особенно язык поэзии!) вообще не допускал просторечных слов (ср. красноречивое свидетельство Третьяковского: «Читают *око* все, хоть *говорят* все *глаз*», см.: Третьяковский, 1972, с. 392), то постепенно — так, в частности, уже к сер. XVIII в. — русские обиходные слова, вместе со свойственным им произношением, стали допустимы в контексте литературной речи. По словам Винокура (1959, с. 359), «живое произношение одерживало в течение XVIII в. частичные победы над произношением традиционно-книжным, и по мере того как эти победы становились более частыми, традиционное произношение постепенно переходило на положение поэтической вольности, то есть из обязательной нормы превращалось в допустимый вариант»; можно добавить только, что этот процесс продолжался еще и в XIX в. Винокур (1959, с. 484) намечает следующие стадии в эволюции русского литературного произношения в связи с произношением *з* как взрывного или фрикативного звука. I. Всякое слово произносится на церковнославянский манер, т. е. с [ɣ], если попадет в контекст литературной речи: *бла҃го* — *҃гусь*. II. Книжное (литературное) слово произносится с [ɣ], просторечное — с [g]: *бла҃го* — *дусь*. Наконец, на следующем, III-ем этапе, всякое литературное слово произносится двояко (*бла҃го* — *благо*), после чего

имеет место вообще вытеснение фрикативного *г*. Последний остаток данной традиции можно наблюдать сейчас в произношении с фрикативным таких форм, как *бог*, *господи*, и иногда в других формах этих же слов; между тем, еще сравнительно недавно фрикативный согласный звучал в литературной речи и в таких словах, как *благо*, *богатый* и т. п. (см. описание процесса утраты спирантного произношения у Ушакова, 1928).

Итак, если в свое время литературное произношение полностью соответствовало нормам церковнославянской орфоэпии, иначе говоря, произносительным нормам церковного чтения, и было противопоставлено русскому разговорному произношению (это соответствовало представлению о церковнославянском и русском как о разных СТИЛЯХ одного языка, причем русский воспринимался самими носителями языка как испорченный церковнославянский), то затем в литературной речи была узаконена определенная ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ того и другого произношения (что соответствовало представлению о русском и церковнославянском как о самостоятельных ЯЗЫКАХ — с открывающейся при этом возможностью ЗАИМСТВОВАНИЯ из одного языка в другой)¹. Соответственно, на определенном этапе становится необходимым ЗНАТЬ, какие именно слова произносятся по нормам книжного (в основе своей — церковнославянского) произношения и, в частности, с фрикативным *г*, а какие — по нормам разговорной речи, т. е. со взрывным *г*. Ср. в этой связи слова Сумарокова (X, с. 44), что «мы < . . . > ЗНАЕМЪ [т. е. умеем — Б. У.] отдѣляти Г. г. отъ Г. һ», иначе говоря, знаем, в каких случаях *г* произносится как лат. *h*, а где — как *g*. В другом месте Сумароков (1787, X, с. 48–49) учит, как достичь такого знания. «Г во Славенскихъ реченіяхъ произносится какъ Латинское Н, а во простонародныхъ какъ Латинское G: а какъ сии чужія литеры произносятся, то вамъ скажетъ вашъ учитель: а когда онъ не знаетъ, такъ спросите у чужестранца²; но вы то и безъ вопроса скоро познаете, слыша и церковное служеніе³ и простонародныя рѣчи⁴». Итак, необходимо было специально УЧИТЬСЯ, чтобы уметь правильно читать букву *г*. Отсюда объясняются характерные списки в грамматических руководствах второй пол. XVIII в. и еще первой пол. XIX в., где указываются слова, произносимые с фрикативным *г* или, напротив, слова, произносимые с взрывным *г*: см., например, подобные перечни в соответствующих руководствах Ломоносова, Курганова, Барсова, Аполлоса Байбакова⁵ и др. авторов, а также в академической грамматике 1802 г. и т. д.

Именно этой проблеме и посвящено рассматриваемое стихотворение Ломоносова. Из 84 знаменательных слов данного стихотворения 77 слов содержат букву *г*; если же исключить последние две строки, то окажется, что ВСЕ знаменательные слова содержат

данную букву. Сверх того следует прибавить еще незначительные слова *где* (которое встречается в стихотворении 5 раз) и *когда* (встречающееся однажды). При этом на каждое слово приходится обычно всего одна буква *г*; исключение представляет слово *мягкого*, но буква *г* в окончании *-аго*, по всей видимости, не идет в счет, т. к. имеет в данном случае только орфографическое значение (см. ниже), и последнее слово стихотворения — *глаголю*.

Полный текст данного стихотворения приводится ниже. Следует указать, что стихи эти (написанные, по предположению, в период 1748–1754 гг.) при жизни Ломоносова опубликованы не были. Они сохранились в бумагах Г. Ф. Миллера (см. РГАДА, ф. 199 — портфели Миллера, № 414, тетр. 16) и были присланы в Российскую академию Аполлосом Байбаковым со следующим пояснением: «Стихи, приписываемые покойному Михайле Васильевичу Ломоносову о употреблении твердого и мягкого глагола»⁶; см. историю дела у Сухомлинова, 1874–1888, I, с. 219–220. Впервые они были напечатаны (по списку Миллера) С. П. Шевыревым в «Москвитяине» за 1854 г. (№ 1–2, отд. IV, с. 4), т. е. спустя примерно сто лет после их написания. Все последующие публикации данного стихотворения ориентируются — прямо или косвенно, с большей или меньшей степенью точности — именно на тот вариант, который представлен в тетради Миллера и который был опубликован в свое время С. П. Шевыревым: см. прежде всего публикацию М. И. Сухомлинова, 1874–1888, I, с. 220, и академические издания Ломоносова: Сухомлинов, II, с. 286, и Ломоносов, VIII, с. 580, не говоря уже о многочисленных менее авторитетных перепечатках. Это до некоторой степени и имеет свои основания, поскольку все варианты, представленные в других рукописях, явно менее исправны⁷; надо сказать, что списки Миллера вообще отличаются большой надежностью в текстологическом отношении (см.: Моисеева, 1971, с. 70). Но необходимо иметь в виду одно обстоятельство, которое, как правило, ускользало от внимания исследователей, а именно, что в миллеровской тетради данное стихотворение представлено не в одном, а в двух, несколько различающихся между собой списках — на л. 2 об. и на л. 6, причем второй список (на л. 6) написан более ранним почерком, тогда как первый (л. 2 об.) представляет собой его позднейшую копию⁸. Нет никакого сомнения, что именно старший миллеровский список является наиболее аутентичным из всех списков рассматриваемого стихотворения. (Ниже мы убедимся, между тем, что различие миллеровских списков представляет в одном случае специальный интерес для темы настоящей работы⁹). Этот список мы здесь и воспроизводим¹⁰.

О сомнительномъ произношеніи буквы Г: в россійскомъ языкѣ.

1. Бугристы берега, благопріятны влаги,
2. О горы съ гроздами, гдѣ грѣть югъ ягнать.
3. О грады гдѣ торги, гдѣ мозгокружны враги
[sic! Следует читать: «браги». — Б. У.¹¹],
4. И денги, и гостей, и годы ихъ губять,
5. Драгіе ангелы, пригожія богини,
6. Бѣгущая всегда отъ гадскія гордыни,
7. Пугливы голуби изъ мягкаго гнѣзда,
8. Угодность съ нѣгою, огромные чертоги,
9. Недуги наглые и гнусные остроги,
10. Богатство, нагота, слуги и господа,
11. Угрюмы взглядами, игрени, пѣги, смуглы,
12. Багровые глаза продолговаты, круглы,
13. И кто гораздъ гадать и лгать, да не мигать,
14. Играть, гулять, рыгать, и ногти огрызать,
15. Нагаи, болгары, гуруны, геты, гунны,
16. Тугіе [sic!]¹² головы, о иготи чугуны,
17. Гнѣвливые враги и гладкословной другъ,
18. Толпыги, щоголи когда вамъ есть досугъ.
19. Отъ васъ совѣта жду; я вамъ даю на волю;
20. Скажите гдѣ быть га, и гдѣ стоять глаголю?

Итак, стихотворение Ломоносова заканчивается знаменательным вопросом: «Скажите, гдѣ быть га, и гдѣ стоять глаголю?» При этом название *глаголь*, несомненно, относится к книжному (церковнославянскому) произношению данной буквы в виде фрикативного звука, между тем как название *га* соответствует произношению ее в виде взрывного согласного¹³.

Между тем, сам Ломоносов, очевидно, знал ответ на этот вопрос. Ведь стихи в то время непременно предполагали ПРОЧТЕНИЕ ВСЛУХ, и надо полагать, что Ломоносов как-то читал свои стихи. В дальнейшем мы попытаемся определить, как он их читал, т. е. какие слова данного стихотворения он произносил с фрикативным г, а какие — со взрывным.

Будучи прочтено по нормам современного русского произношения, данное стихотворение воспринимается как результат аллитерации, основывающейся на повторении одного и того же звука — [g]. Мы постараемся, однако, показать, что в его основе лежит гораздо более сложная аллитерационная структура.

Возьмем для иллюстрации одну строку:

Драгіе ангелы, пригожія богини.

Приведенная фраза состоит из двух синтагм, совпадающих по синтаксической структуре, которые противопоставлены, однако, по своим стилистическим характеристикам и, что для нас важно, по своему произношению; структурный параллелизм как раз и оттеняет указанное противопоставление. В самом деле: слово *драгие* с его неполногласием и слово *ангелы*, несомненно, принадлежат к церковнославянской стихии и, значит, произносились с фрикативным [ɣ]. Между тем, *пригожся*, как откровенный русизм, определенно читалось с взрывным г. Точно так же, по-видимому, произносилось и слово *богини*, как не имеющее соответствия в христианских представлениях: такого рода противопоставление (*бог* с фрикативным, но *богиня* с взрывным согласным) может наблюдаться еще и в современном литературном языке¹⁴.

Ср. наблюдения исследователя традиции произношения фрикативного [ɣ] в современном русском литературном языке — Д. Н. Ушакова: «По отношению к *бога* замечено, что в числе произносящих *бога* большинство произносит, однако, *бога Аполлона* и т. п. с г взрывным; почти не встречаются молодые люди, произносящие γ во множ. числе (*боги, богов* и т. д.), и, наконец, я совсем не встречал молодых москвичей, говорящих *богиня*. Это странное на первый взгляд различие в произношении христианского бога и бога языческого <... > показательно для суждения о факторах, способствовавших сохранению традиции» (см.: Ушаков, 1928, с. 239). Точно так же и Ф. Е. Корш специально подчеркивал, что с фрикативным звуком произносится БОГ в христианском смысле (см. Корш, 1907, с. 761)¹⁵. Можно предположить, следовательно, что в свое время слово *бог* (или производные от него формы) в смысле нехристианском, например, языческом, произносилось с взрывным согласным; иначе говоря, фрикативный звук в произношении выполнял в точности ту же роль, что прописная буква — в написании¹⁶.

Что и во времена Ломоносова соответствующие произносительные варианты могли в принципе противопоставляться по смыслу, видно, например, из следующего места в ломоносовских подготовительных материалах к «Российской грамматике»; «Благий (*blahji*) bonus. Благой (*blagoi*) fatuus» (см. изд.: Ломоносов, VII, с. 619).

Итак, слово *богини* произносилось, по всей вероятности, с взрывным [g]; тем более, оно должно было так читаться в сочетании *пригожся богини*. Таким образом, сочетание *драгие ангелы* было ФОНЕТИЧЕСКИ противопоставлено сочетанию *пригожся богини* — и именно по признаку смычного или спирантного произнесения буквы г.

Если обозначить слово, произносимое с взрывным г, через G, а слово с фрикативным г — через H, то аллитерационная структу-

ра только что разобранной ломоносовской строки будет выглядеть таким образом: Н-Н-G-G¹⁸.

Можно предположить, что и другие строки этого стихотворения организованы столь же симметрично: ниже мы и попытаемся проверить это предположение, и с этой целью рассмотрим в последовательном порядке произношение каждого слова, имеющего в своем составе букву *г*. Естественно, наша реконструкция ломоносовского чтения в каких-то случаях будет гипотетической; однако в большинстве случаев мы можем достаточно точно восстановить произносительную норму того времени.

* * *

Необходимо остановиться на тех источниках, на которых мы основываемся в своей реконструкции ломоносовского чтения¹⁹.

Прежде всего, в некоторых случаях мы располагаем непосредственными указаниями грамматических руководств по интересующему нас вопросу — как руководств XVIII в., так и более поздних. При этом, если в позднейших руководствах мы встречаем указание на то, что то или иное слово произносится с взрывным *г*, это в принципе отнюдь не исключает того, что данное слово во времена Ломоносова еще произносилось с фрикативным согласным; напротив, указания на фрикативное произношение являются обычно достаточно информативными, позволяя судить и о более ранней орфоэпии (в связи с тем, что эволюция произносительной нормы характеризуется более или менее последовательной элиминацией фрикативного *г*). Соответственно, как можно видеть из вышестоящего, определенная информация может быть извлечена даже и из данных современного литературного произношения.

С другой стороны, определенный материал по данному вопросу может быть извлечен из собственно литературных источников. Так, некоторые указания насчет того, какие слова произносились с фрикативным *г*, а какие — с взрывным, дают рифмы²⁰. Отметим еще один нетривиальный источник: речь Вральмана из «Недоросля» Д. И. Фонвизина²¹. Как известно, Вральман говорит с акцентом; при этом немецкий акцент передается Фонвизиним при помощи определенных модификаций, из которых наиболее яркой чертой является замена звонких согласных на соответствующие глухие²². В остальном же в речи Вральмана в общем достаточно точно отражается фонетика живой русской речи, например, аканье и т. п. Ср., например, «Магушка ты моя! сшался натъ сфаей утрой, катора тефять мѣсесофъ таскала, такъ скасать, асмое тифа фѣ сфѣтъ. Тай фолью этимъ преклятымъ слатѣямъ. Исъ такой калафы толголь палфань?» и т. д. и т. п. При такой модифика-

ции фрикативный *z* закономерно переменяется у Вральмана в *x*, а взрывной *z* — в *k*. Соответственно, Вральман последовательно говорит, например, *хосподи* «господи», *хоспотинъ* «господин», *хоспожь* «госпоже», *хоспотамъ* «господам» (*bis!*), *богъ* «бог», *никатъ* «никогда» (*bis!*), *нигтъ* «нигде», *платоротіе* «благородие» и т. п. — но при этом *калафы* «головы», *калоушка* «головушка», *караздо* «гораздо»²³. Акцент Вральмана позволяет судить, таким образом, об интересующей нас черте.

В тех случаях, когда мы не располагаем прямыми свидетельствами о том, как должно было читаться то или иное слово, мы можем исходить из его стилистической принадлежности. Естественно, что очевидные церковнославянизмы, характеризующиеся специфическими формальными признаками (например, такими, как неполногласие и т. п.), читались на церковнославянский манер и, в частности, с фрикативным *z*. Но следует иметь в виду, что соответствующим образом в принципе могло произноситься (хотя и не обязательно произносилось так во всяком контексте) вообще любое слово, возможное в «церковных книгах». Еще Булич (1893, с. 71) отмечал — ссылаясь при этом на знаменитое ломоносовское «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», — что Ломоносов основывает свое разграничение слов первично-русских и слов церковнославянских не на формальных признаках, а на критериях употребления: употребление или неупотребление в церковных книгах. Понятно, что среди «церковных книг» особенно важны в интересующем нас отношении Новый Завет, Псалтырь, тексты основных молитв и т. п. «Ближайшее знакомство с текстом стихотворений Ломоносова показало нам, — констатирует И. И. Солосин (1916, с. 241–246), — что церковнославянские слова и выражения заимствованы Ломоносовым, главным образом, из книг богослужбных, т. е. они падают на те книги священного писания, которые по преимуществу употребляются в церковном богослужении, а именно: Псалтырь, Евангелие. Довольно много заимствований из паремий, а также из церковных песнопений (стихир, ирмосов и т. п.) и молитв. Вот источник заимствований и подражаний церковнославянскому языку в стихотворениях Ломоносова»²⁴.

Необходимо иметь в виду, что в ряде случаев одинаковые по форме слова имеют разное значение в церковнославянском и в русском языках, т. е. семантика слова выступает единственным признаком его стилистической принадлежности. Естественно считать в этих случаях, что произношение того или иного слова было обусловлено именно тем значением, в каком оно было употреблено в тексте: будучи употреблено в значении, специфическом для церковнославянских текстов, данное слово произносилось на церковнославянский манер (в частности, с фрикативным *z*), и наоборот

(ср. приведенное выше свидетельство Ломоносова о произношении слова «благий»).

С другой стороны, о стилистической принадлежности слова можно судить в некоторых случаях по специальным стилистическим пометам в словарях XVIII в. См., например, характеристику тех или иных слов как «славенских» или, напротив, «русских», resp. «народных» и т. п., в рукописном лексиконе первой пол. XVIII в., изданном Аверьяновой (1964), в Словаре Академии Российской или в «Аналогических таблицах», предварявших издание этого последнего словаря. При этом систематизация лексики в Словаре Академии Российской, как известно, основывалась именно на стилистической теории Ломоносова.

Наконец, определенный интерес представляют в этом отношении глоссы, т. е. лексические параллели, которые встречаются в ряде произведений XVIII в. На известном этапе эволюции русского литературного языка сообщаемые таким образом синонимы начинают противопоставляться стилистически, в частности, как «славенские» и «русские», «высокие» и «низкие» и т. п. Богатый материал этого рода представлен, например, в «Тилемахиде» Тредиаковского: общая совокупность глосс этого памятника образует, вместе со словами, к которым относятся эти глоссы, своеобразный стилистический словарь²⁵.

Если явные церковнославянизмы произносились всегда (т. е. в любом контексте) с фрикативным *г*, а явные русизмы произносились с *г* взрывным, то очень большое количество слов в принципе могло произноситься и так, и эдак, в зависимости от стиля речи. Так, Аполлос Байбаков учит в своей грамматике 1794 г. (на с. 3), что *г* в слове *гром* произносится «мягко» (как [γ]) во фразе «Господи, гласъ грома твоего грядеть», но «жестко» (как [g]) во фразе «громъ гремить». Это необходимо учесть в нашей реконструкции фонетической структуры стихотворения Ломоносова. Естественно считать, что в тех случаях, когда слово имеет двойное произношение, его конкретное звучание определяется контекстным окружением во фразе. Поскольку в рассматриваемом стихотворении все знаменательные слова (за исключением последних двух строк) имеют в своем составе букву *г* (см. выше), практически это значит, что чтение соответствующего слова с [γ] или с [g] ставится в зависимость от того, как читается *г* в других словах, ближайшим образом с ним связанных.

* * *

Рассмотрим последовательно произношение каждого слова ломоносовского стихотворения, имеющего в своем составе букву *г*, фиксируя внимание именно на произношении этой буквы.

1. *Бугристы* — произносилось, конечно, с взрывным *г*, как не книжное слово.

Берега — произносилось с взрывным *г* (ср. полногласие). Ср., между тем, выражение *бугристы брега* с неполногласной формой, употребленное Ломоносовым в поздравительной оде Елисавете Петровне 1759 г. (ст. 83).

Благоприятны — произносилось, несомненно, с фрикативным *г* (так, между прочим, еще и в конце прошлого века, см. соответствующую рекомендацию в словаре Орлова, I, с. 240).

Влаги — также произносилось с фрикативным *г* (очевидный церковнославянизм, ср. помету «сл[авенское]» при этом слове в Словаре Академии Российской).

Итак, фонетическая структура данной строки предстает в следующем виде: **G-G-H-H**.

2. *Горы* — это слово произносилось, по всей видимости, с фрикативным *г* и вообще воспринималось по преимуществу как книжное. Так, Шишков (III, с. 39) прямо указывал, что «в Ломоносова стихе: *на гору как орел всто́дя он возно́сился*, должно в слове *на гору* букву *г* произнести как *h* и ударение сделать на букве *о*; но в простой речи, такой, например, как: *под-гору-то нам хоро́шо было и́дти, каково-то бу́дет брести на гору*, — здесь в слове *на́ гору* буква *г* обыкновенно произносится как *g*, и ударение делается на букве *а*, то есть не на самом имени, но на его предлоге». Ср. аналогичное свидетельство о том же и у Каржавина (1791): «Le Mot *Гора* < . . . > SE LIT *Horá* avec aspiration comme le mot *Heros* et SE DIT *Gorá*»²⁶. Ср. известный стих из Псалтыри: «Рѣки восплещутъ рукою вкупе, горы возрадуются» (ХСVII, 8), который в целом ряде случаев находит отражение в поэзии Ломоносова (см.: Солосин, 1913, с. 249, 252, 264, 267, 273); это слово неоднократно встречается вообще как в Псалтыри, так и в новозаветном тексте (см.: Гильдебрандт, 1882–1885, с. 472–473; 1898, 92–93).

Гроздами — также произносилось, видимо, с фрикативным *г*; это слово встречается в новозаветном тексте (см.: Матфей, VII, 16, Апокалипсис, XIV, 18 и др.), так же как и в других церковных текстах. В Словаре Академии Российской сообщается, что данное слово употребляется в св. Писании, а «в простом употреблении говорится умалительно», т. е. в уменьшительной форме.

Гдѣ — произносилось с фрикативным *г*, см., например, специальное указание на этот счет в «Российской грамматике» А. А. Барсова 80-х гг. XVIII в. (Барсов, 1981, с. 43); о том же свидетельствует, между прочим, и фонвизинский Вральман (см. у него *нхтѣ*). Такое произношение может объясняться прежде всего чисто позиционно, т. е. как результат диссимиляции по смычности в консонантном сочетании; с другой стороны, данное слово

вовсе не чуждо и церковнославянским текстам (см., например, в Новом Завете, «Гдѣ ти, смерти, жало, гдѣ ти, аде, побѣда», I Коринф. XV, 55; о возможной реминесценции этого места в поэзии Ломоносова см. у Солосина, 1913, с. 246). Соответствующее произношение рекомендуется в русской орфоэпии еще в начале нашего столетия (см., например, Чернышев, 1908, с. 17).

Гръѣтъ — могло, видимо, произноситься и с взрывным и с фрикативным *г*. Возможность последнего произношения обусловлена тем, что соответствующий глагол встречается в новозаветном тексте: Ефес. V, 29, I Солун. II, 7, и др. С другой стороны, этот глагол был вполне употребителен и в обиходной речи.

Югъ — это слово также, видимо, могло иметь двойное произношение. На возможность произнесения данного слова с *г* фрикативным указывает то обстоятельство, что оно встречается в церковнославянских текстах и прежде всего в Новом Завете (Лука XII, 55, XIII, 29, Деяния, XXVII, 13, XXVIII, 13; ср. Апокалипсис, XXI, 13), ср. также Псалтырь LXXVII, 26, CXXV, 4. Следует, однако, подчеркнуть, что слово *юг* в церковнославянском может иметь иное значение, нежели соответствующее слово в русском, а именно: «южный ветер, приносящий дождь и сырость» и вообще «влага, сырость» (ср.: «въ югъ съющи слезами радостію пожнуть класы присноживотія», Степен. в I антифоне 3-го гласа, т. е.: «кто проливает слезы покаяния, те как бы сеют под дождь, в влажную почву — они с радостью пожнут колосья вечной жизни, т. е. получат вечное блаженство»); см.: Ильминский, 1898, с. 85. Вместе с тем, данное слово, несомненно, было употребительно и в обиходной речи, ср., например, пословицу в «Письмовнике» Курганова (1777, с. 124, также и у Даля, IV, с. 667), в точности совпадающую по словоупотреблению с рассматриваемым ломоносовским стихом: «югъ вѣеть, стараго грѣеть». В подобных случаях это слово, надо полагать, звучало с взрывным *г*. Исходя из сказанного, можно с достаточной вероятностью предположить такое произношение и в нашем случае.

Ягнѣтъ — произносилось, несомненно, с взрывным *г*, ср. ц.-сл. *агнец*. (Ср., между прочим, стилистическое разграничение обоих слов в «Тилемахиде» Третьяковского, кн. XVII: слово *ягнѣта* дается здесь как глосса к слову *агнѣцы*).

Итак, первые два слова рассматриваемой фразы (*грѣтъ югъ ягнѣтъ*) в принципе могут читаться и с взрывным и с фрикативным *г* (причем для слова *югъ* в данном значении и словоупотреблении едва ли не более вероятен взрывной звук), тогда как третье слово (*ягнѣтъ*) определенно звучало с взрывным. Исходя из сформулированного выше положения о том, что в случае возможности двойного произношения конкретное произнесение слова во фразе

определяется его контекстным окружением, признаем, что все три слова в данном контексте читались со взрывным согласным²⁷.

Тогда фонетическая структура рассмотренной строки представит в следующем виде: **Н-Н-Н-Г-Г-Г**.

3. *Грады* — произносилось с фрикативным *г* (очевидный церковнославянизм).

Гдь — произносилось с фрикативным *г* (см. выше).

Торги; слово *торгъ*, вообще говоря, встречается в новозаветном тексте (Деяния, XVI, 19; XXVIII, 15), но в церковнославянском языке соответствующее слово имеет иное значение, нежели в русской обиходной речи, а именно: «площадь, forum» (см. Гильдебрандт, 1882–1885, с. 2178). Характерно, с другой стороны, мнение Третьяковского (III, с. 223), что непростительно писать на церковнославянский манер *по торгоуъ і рыноуъ*, вместо *по торгоуъ і рыноуъ*. Итак, в обиходном значении (связанном с торговлей) соответствующее слово подчинялось собственно русским речевым нормам. Правомерно считать, соответственно, что *торгъ* могло читаться, в зависимости от значения, и с взрывным и с фрикативным *г*. Поскольку можно полагать, исходя из общего контекста, что в рассматриваемой фразе данное слово употреблено как раз в обиходном значении, т. е. так или иначе ассоциируется именно с торговлей (см. непосредственно ниже упоминание *браги, денег, гостей* и т. п.), — постольку следует думать, что оно здесь звучало с взрывным *г*. Русская и церковнославянская формы Nom. Pl., возможно, были противопоставлены и по ударению: рус. *торги́* (см. такую же форму в «Ведомостях» за 1703 г., см. Кипарский, 1962, с. 28) — ц.-сл. *тѡрги* (хотя *торгá* в Gen. Sg. — так в новозаветном тексте, но в Словаре Академии Российской, как и в предварявших его «Аналогических таблицах», тем не менее, *тѡрга*).

Мозгокружны — произносилось с фрикативным *г* (ср. характерный тип сложного слова), хотя отдельно стоящее слово «мозг» и могло произноситься с взрывным²⁸.

Браги — произносилось с взрывным *г*.

Структура строки: **Н-Н-Г-Н-Н-Г**.

4. *Денги* — произносилось, надо думать, с взрывным *г*²⁹. Характерно, что слово *деньги* регулярно соответствует в глоссах к «Тилемахиде» Третьяковского словам *пнѣязи* (кн. XII, XVII) или *цаты* (кн. XII, XXI, XXIV, ср. ц.-сл. *цата*), употребляемым в основном тексте поэмы.

Гостей; Аполлос Байбаков специально указывает в своей грамматике 1794 г. (с. 3), что это слово произносится с фрикативным («мягким») *г*; акцентная форма, кстати, ничуть не противоречит ударению в церковнославянских текстах (см.: Кипарский, 1962, с. 28). Любопытно, между прочим, что данный корень

транскрибируется через *gh* в словарных записях Ричарда Джемса 1618–1619 гг., относящихся как раз к холмогорскому наречию, т. е. к родине Ломоносова: *ghoste* «гость», *ghostintsa idet* (= *to goe to guesse*) (см. изд.: Ларин, 1959, с. 84, 153); Ларин (1959, с. 36) видит здесь определенное указание на произношение со спирантным *g*, которое он относит за счет белорусского или южно-русского вкрапления (см. там же); гораздо больше оснований видеть здесь отражение книжного произношения³⁰.

Годы — произносилось, видимо, с взрывным *g*, поскольку в церковнославянском соответствующее слово имеет иное значение: «час, время, срок» (ср. Ильминский, 1898, с. 78; см., например, Лука I, 10; XIV, 17). С другой стороны, рус. *год* соответствует ц.-сл. *лѣто*, ср. у Ломоносова в материалах к грамматике: «*лѣто*, Sl. *annus* Russ. *aestas*. — *лѣта*, Sl. et Russ. *anni*» (см. изд.: Ломоносов, VII, с. 627). Ср. указание, что *Гѣды* произносится как *Годы* у Копиевича (1706, л. I тетради «Е»³¹; или транскрипцию рус. формы *году* как *godou* в двух случаях у Каржавина (1791, см. здесь образцы русского текста с французской транскрипцией)³².

Губятъ — можно полагать, что это слово, как книжное, читалось с фрикативным *g*. О стилистической принадлежности данного слова в какой-то степени можно судить, между прочим, по следующему контексту в притчах Сумарокова (VII, с. 243):

Онъ ихъ [деревья. — Б. У.] пришель губить,
А по просту рубить.

В отношении этимологически очень близкого слова *гибель* Аполлос Байбаков, кстати, прямо указывает в своей грамматике 1794 г. (с. 3), что оно читается с *g* фрикативным.

Структура рассмотренной строки тогда выглядит так:
G-H-G-H.

5. Эта строка была рассмотрена выше; ее структура:
H-H-G-G.

6. *Блгуція* — произносилось, видимо, с фрикативным *g*, поскольку причастные формы на *-ций* воспринимались вообще как книжные (см. об этом §§343, 440 грамматики Ломоносова). Ср., с другой стороны, различные формы с корнем *блгг-*, приводимые в церковном словаре П. Алексева, а также соответствующие цитаты из Псалтыри у Гильдебрандта, 1898, с. 36³³.

Всегда — произносилось обычно с фрикативным *g*, см. специальное указание на этот счет в «Российской грамматике» А. А. Барсова (Барсов, 1981, с. 43). Соответствующее произношение, конечно, объясняется прежде всего позиционно, но следует иметь в виду, что данное слово встречается и в тексте Нового Завета (Иоанн, XII, 8), Псалтыри (LXX, 14); ср. сказанное выше

о слове *гдѣ*. Данное произношение еще недавно было принято в русской произносительной норме (см., например, Чернышев, 1908, с. 17, Брандт, 1892, с. 112).

Гадскія — это слово определенно читалось с фрикативным *г*: см. специальную помету «церк[овное]» при нем (с примером из Четых-Миней) в Словаре церковнославянского и русского языка и затем у Даля. Следует иметь в виду, что в более поздней копии рассматриваемого стихотворения, которая имеется в начале тетради Миллера, на л. 2 об. (тогда как публикуемый здесь более аутентичный список находится в середине той же тетради, на л. 6³⁴, данное слово заменено на *гадкія*. Между тем, последнее слово (*гадкія*) гораздо более сомнительно в отношении своего произношения: есть основания полагать, что оно звучало с взрывным *г*³⁵, и в этом случае данное слово противостоит всем остальным словам этой строки, которые читались, по-видимому, с фрикативным *г*. Соответствующая конъектура, т. е. замена *гадскія* на *гадкія* воспроизводилась во всех последующих изданиях нашего стихотворения — начиная с первой публикации С. П. Шевырева в «Москвитяине» и кончая последним академическим изданием³⁶.

Как видим, рассмотренная конъектура существенно нарушает аллитерационную структуру стиха. С другой стороны, структура текста может иметь в данном случае самое непосредственное отношение к текстологии (ср. в этой связи: Успенский, 1971а).

Гордыни — читалось, несомненно, с фрикативным *г*. См. помету «сл[авенское]» при этом слове в Словаре Академии Российской. Ср. стих из Псалтыри (XVI, 10): «Уста их глаголаша гордыню», который Шишков (III, с. 39) цитирует в качестве примера на чтение *г* в виде спиранта. Ср., с другой стороны: «гордыню сопостатов стерти» в оде Ломоносова на день рождения Елисаветы Петровны (1746 г., ст. 6), в котором Солосин (1913, с. 259) не без основания видит отражение одного рождественского песнопения. Это слово встречается и в Новом Завете (Марк, VII, 22; Иаков, IV, 16), см. также сводку примеров из Псалтыри у Гильдебрандта, 1898, с. 93³⁷.

Структура данной строки: Н-Н-Н-Н.

7. *Пугливы* — произносилось с взрывным *г* (некнижное слово).

Голуби — это слово в своем первичном (а не символическом) значении должно было произноситься, по всей вероятности, с взрывным *г*.

Мягкого — орфоэпические руководства XVIII в. единогласно свидетельствуют, что это слово читалось с фрикативным звуком. Ср., прежде всего, свидетельство самого Ломоносова в «Российской грамматике» (§102): «Въ срединѣ реченій передь твердыми согласными [читается буква *г*], какъ: *легкой, мягкой, вмѣсто легкой, мягкой*»³⁸; ср. о том же у Каржавина (1794, с. 5): «слово

наше *мягкой* выговаривается *мялкой*, а не *мядкой*»; в «Кратких правилах. . .» 1984 г. (с. 16, §20): «*легкой, мягкой* выговариваются *леткой, мяткой*»; а также в «Правилах о произношении. . .» 1772 г. (с. 10), у Шарпантье (1768, с. 7), наконец, в академической грамматике 1802 г. (с. 7) и т. п. Подобное произношение легко объясняется позиционно, ср., однако, это слово в евангельском тексте (Лука, VII, 25, Матфей, XI, 8). Что же касается флексии *-аго*, то она, скорее всего, читалась в данном случае как *-ава/-ова* (ср. Ломоносов, 1755, §102, и особенно Ломоносов, VII, с. 653; «Правила о произношении. . .», 1772 г., с. 11).

Гньзда — произносилось, видимо, с фрикативным. Ср. у Ломоносова в материалах к «Российской грамматике» транскрипцию этого слова: «гнѣздъ — hnest» (см. изд.: Ломоносов, VII, с. 634). Это слово, между прочим, встречается в Псалтыри (LXXXIII, 4).

Фонетическая структура данной строки **G-G-H-H**.

8. *Угодность* — произносилось, вероятно, с фрикативным *г* [книжное слово: ср., с одной стороны, стилистический характер основы, ср. *угодник, угодный* и т. п. (ср., в частности, в Новом Завете), с другой — суффикс *-ость*, о книжном характере которого см., например, у Обнорского, 1927 (с. 80–81 и примеч. на с. 82–83), Виноградова, 1947 (с. 127), Хютль-Ворт, 1968 (с. 26)].

Нпгою — произносилось с фрикативным *г* (книжное слово).

Огромные — это слово, по-видимому, относилось к нейтральному стилю и, следовательно, могло произноситься, в зависимости от контекста, и с взрывным, и с фрикативным *г*. О возможности употребления его в книжной речи свидетельствует хотя бы известный стих из «Тилемахиды» Тредиаковского (кн. XVIII, ст. 514), взятый эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева, который в передаче Радищева звучит как «Чудище, обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лайй»³⁹; ср. также этот эпитет у самого Ломоносова в оде на прибытие Елисаветы Петровны 1742 г. в стилистически очень выдержанном обращении Господа к императрице (ст. 368)⁴⁰.

Следует заметить, что выражение *огромные чертоги* можно встретить и в других источниках, например, у Карамзина в переводе из Шекспира 1787 г. (см. изд.: Карамзин, 1966, с. 61), а также в Словаре Академии Российской (САР, II, с. 359), где это сочетание приводится как пример к слову *огромный*; если это сколько-нибудь устойчивое сочетание, то следует полагать, что рассматриваемое слово читалось с фрикативным *г*. Во всяком случае, в данном окружении оно могло произноситься таким образом.

Чертоги — произносилось с фрикативным *г* (очевидный церковнославянизм)⁴¹. Книжное произношение данного слова (с фрикативным *г*), по-видимому, сохранялось в русском литературном

языке еще и во второй половине XIX в. Так, в руководстве по русскому языку Манассевича в списке слов с *г* фрикативным, наряду с такими словами, как *Бог, господи, благо, убог*, находим и *чертог* (а также *подвиг*).

Фонетическая структура данной строки Н-Н-Н-Н.

9. *Недуги* — произносилось, вероятно, с фрикативным *г*. См. помету «сл[авенское]» при этом слове в Словаре Академии Российской (САР, III, с. 787). Это слово часто встречается в новозаветном тексте (см. у Гильдебрандта, 1882–1885, с. 1187–1188)⁴², ср. также в Псалтыри (СП, 3).

Наглые — произносилось, скорее всего, с фрикативным *г*. Следует иметь в виду, что в церковнославянском языке это слово имеет значение «быстрый», «внезапный», т. е. не имеет, вообще говоря, той отрицательной характеристики, какую имеет соответствующее русское слово⁴³. Итак, если *недуги наглые* у Ломоносова значат «внезапные недуги» (ср. в этой связи перевод близкого по смыслу выражения *наглая смерть* как *gewaltsamer Tod* в лексиконе Целлария 1746 г., с. 209), то рассматриваемое слово, по всей вероятности, читалось с фрикативным *г*; если же усматривать здесь отрицательную оценочную характеристику, содержащуюся непосредственно в самом прилагательном (например, в виду намечающегося тогда параллелизма: *наглые недуги — гнусные остроги*), то можно в принципе предположить произношение с *г* взрывным. Более вероятно, однако, что Ломоносов употребил данное слово в обычном для книжного языка значении⁴⁴.

Гнусные — произносилось, должно быть, с фрикативным *г*, как церковнославянизм.

Остроги — читалось, скорее всего, с фрикативным *г*. Следует иметь в виду, однако, что это слово в церковнославянском имеет значение «крепость», «земляной вал» (см., например, Лука, XIX, 43); значение «тюрьма» — собственно русское и в принципе не исключено, поэтому, что в этом последнем значении рассматриваемое слово могло произноситься и со взрывным *г*⁴⁵.

Ситуация со словом *остроги*, таким образом, в точности аналогична ситуации со словом *наглый*. Если одно из этих слов произносилось с взрывным *г*, то, надо думать, так же произносилось и другое слово. Итак, вероятной фонетической структурой данной строки является: Н-Н-Н-Н, но не исключена структура: Н-Г-Н-Г.

10. *Богатство* — определено произносилось с фрикативным *г*; соответствующее произношение еще до недавнего времени сохранялось в русском литературном языке. По мнению Шахматова (1925, с. 41), подобное произношение данного слова (и однокоренных слов) как раз и указывает на его церковное происхождение. Ср. специальное указание А. А. Барсова в «Российской грамматике».

ке» (Барсов, 1981, с. 43) относительно произношения этого слова в XVIII в.

Нагота — произносилось, несомненно, с фрикативным *г* (см. это слово в новозаветном контексте — II Коринф. XI, 27; Римл. VIII, 35; Апокалипсис, III, 18). По свидетельству Брандта (1892, с. 112–113), слово *нагой* еще в конце прошлого века звучало в литературном произношении с фрикативным [γ], причем Брандт видит здесь указание на заимствование из церковнославянского.

Слуги — видимо, произносилось с фрикативным *г*: ср. отражение этого произношения в речи фонвизинского Вральмана, который говорит *слуга* (а не **слуга*, как ожидалось бы при отражении взрывного *г*; см. выше). На соответствующее произношение, может быть, указывает в какой-то степени и архаическое ударение *слуги́* в форме Nom. Pl. (о его архаичности см. у Кипарского, 1962, с. 223, 45).

Господа — произносилось с фрикативным *г*. Руководства XVIII в. единодушно указывают, что все вообще производные от слова *господь* произносятся с фрикативным: прямое свидетельство о том, что таким образом произносилось и слово *господин*, можно найти у Ломоносова (VII, с. 605, 688), Курганова (1769, с. 93), Барсова (1768, с. 39; 1981, с. 43; в «Кратких правилах. . .», 1773, с. 84; 1784, с. 16; 1797, с. 88–89), в «Правилах о произношении. . .» 1772 г. (с. 11), у Семигиновского (1794, §36); такое произношение отражается и в речи фонвизинского Вральмана, который произносит: *госпотин*, *госпотамъ*, *госпожь*. Оно фиксируется еще в словаре Орлова 1885 г. (II, с. 121). Таким образом, противопоставление по данному признаку слов [γ]осподь, но [g]осподин, которое констатируют, например, Брандт (1892, с. 112–113, Корш, 1902, с. 42, Манассевич, с. 7–11), — относительно недавнего происхождения (может быть, не раньше сер. XIX в.).

Структура рассмотренной строки: Н–Н–Н–Н.

11. *Угрюмы* — произносилось, несомненно, с взрывным *г* (не книжное слово).

Взглядами — тоже. На это указывает форма префикса (ср., с другой стороны, ц.-сл. *возглядати* в Псалтыри (XV, 5). Характерно, что Ломоносов приводит это слово в своей грамматике (§172) именно как пример не книжной формы, говоря, что стилистическая характеристика данного слова обуславливает форму *взгляду* (не *взгляда*) в Gen. Sg.; ср. позднее этот же пример и в «Российской грамматике» А. А. Барсова (1981, с. 117), где соответствующие формы прямо характеризуются как «простонародные»⁴⁶. Достаточно показательны в этом отношении и критические рассуждения Тредиаковского в его памфлете против Сумарокова 1750 г.: «Ода не терпит обыкновенных народных речей: она совсем от тех удаля-

ется, и приемлет в себя токмо высокие и великолепные. По сему, чего ради ему [Сумарокову — Б. У.] не положить *воззри*, вместо *взгляни*» (см. изд.: Куник, 1865, с. 456). Итак, слова *взгляд*, *взглянуть* и т. п. единодушно квалифицируются как «народные» и «обыкновенные» (т. е. разговорные).

Игрени (название местности) — тоже (ср. определение этого слова как «провинциального» у Будиловича, 1871, с. 147).

Пъги — тоже.

Смуглы — тоже (соответствующей церковнославянской формой является *смугляный*, см. Словарь церковнославянского и русского языка).

Структура строки: G-G-G-G.

12. *Багровые* — произносилось с взрывным *г*; (ср. книжную форму *багряный*. Словарь Академии Российской (САР, I, 77) фиксирует, между прочим, что в просторечии слово *багровый* употребляется не в значении «червлёный, пурпуровый, густокрасный» (в этом значении *багровый* и *багряный* совершенно идентичны), а в значении «красный, смешанный с синевою». Можно полагать, что в сочетании *багровые глаза* данное слово употреблено именно в специфическом просторечном значении (ср. ниже).

Глаза — несомненно произносилось с взрывным *г*. Это слово выступает в абсолютном большинстве орфоэпических руководств XVIII в. как типичный пример чисто русского (некнижного) слова, которое произносится с [g], а не с [γ]. См. соответствующие указания, например, у Копиевича (1706, л. 3 первой пагинации); у самого Ломоносова (1755, §§21, 23, 24), у Барсова (1768, с. 39; в «Кратких правилах...», 1773, с. 84, 1797, с. 88–89), в «Правилах о произношении...» 1772 г. (с. 11), у Аполлоса Байбакова (1794, с. 3). Ср. вообще характерное противопоставление слова *глаз* — «сл[авенскому]» *охо* в рукописном лексиконе первой пол. XVIII в., изданном Аверьяновой (1964, с. 73), у Фонвизина (I, с. 245), а также у Третьяковского (Поэты XVIII в., II, № 192⁴⁷).

Выражение *багровые глаза* стилистически непосредственно противостоит выражению *багряное око*, употребленному Ломоносовым в благодарственной оде Елисавете Петровне 1750–1751 гг., строфа 8-я (ст. 71: «Когда заря багряным оком...»)⁴⁸. С другой стороны, семантически данное выражение смыкается с выражением *глаза кровавые*, которое встречаем у Ломоносова в другом месте (см. Будилович, 1871, с. 159)⁴⁹.

Продолговаты — произносилось с взрывным *г*.

Круглы — тоже.

Структура строки: G-G-G-G.

13. *Гораздв* — произносилось, без сомнения, с взрывным *г*. Для книжного стиля это слово кажется совсем не характерно; мож-

но сослаться, вместе с тем, на многочисленные примеры просторечного его употребления, см. хотя бы в Вейсманнове лексиконе 1731 г. (с. 389, 483, 643). Будилович (1871, с. 146) приводит слово *горазд* — именно в данном контексте, с цитированием рассматриваемой строки — в числе «провинциальных» слов. Ср., наконец, транскрипцию этого слова как *grasda* («горазда»), *garas* («горазд») — по-видимому, с отражением редукции безударного гласного и аканья — в парижском «Словаре московитов» 1586 г. (см.: Ларин, 1948, № 401 и 403). Так же, т. е. со взрывным *г*, произносилось, между прочим, и наречие *гораздо*: ср. передачу этого слова как *караздо* в речи фонвизинского Вральмана (ср. также помету «нар[одное]» при этом слове в Словаре церковнославянского и русского языка).

Гадать — произносилось, скорее всего, с взрывным *г*. В книжном стиле этот глагол едва ли был возможен.

Лгать; считаем возможным предположить, что это слово могло произноситься как с фрикативным *г* (как книжное слово, встречающееся, между прочим, в новозаветном тексте: Деяния, V, 4; XIV, 19; Матфей, V, 11), так и с *г* взрывным. Характерно, что в «Аналогических таблицах», т. е. предварительном словнике к Словарю Академии Российской, приведена как книжная форма *лганіе*⁵⁰, так и некнижная *лганье* (между тем, в Словаре Академии Российской оставлено только *лганіе*). Ср. также многочисленные примеры просторечного употребления данного слова, приводимые у Даля (II, с. 241), ср., между прочим, аналогичные примеры в собрании пословиц Барсова, 1770 г. (с. 15, 90, 104, 114, 115, 120, 134, 143, 192), в письмовнике Курганова (1777, с. 114). Тогда в рассматриваемом контексте данное слово должно было звучать именно с взрывным *г*⁵¹.

Мигать — произносилось, видимо, с взрывным (ср. соответствующие церковнославянские формы: *мизати*, *мжати*, ср. последнюю форму в Новом Завете; II, Петр, I, 9). Ср. в рукописном лексиконе первой пол. XVIII в., изданном Аверьяновой (1964, с. 177) соответствие: *мигати* — сл[авенское] *мизати*; *мигание* — сл[авенское] *мизание*. Подобное же соответствие можно обнаружить и в «Аналогических таблицах»: «*мизаю*, сл[авенское]», «*мизаніе*, сл[авенское] — см. *мигание*»; ср., с другой стороны, в Словаре Академии Российской, где не форм *мизаю*, *мизаніе*: «*мжєніе*, сл[авенское], просто же *мигание*» (САР, IV, с. 123)⁵².

Не исключено, что выражение *горазд мигать* представляет собой намек на Сумарокова, миганье которого, как известно, было излюбленным предметом насмешек со стороны его литературных противников (см.: Сухомлинов, II, с. 235–236 второй пагинации), выступая своеобразным символом в сатирических зашифровках. В

частности, у Ломоносова в эпиграмме на примирение Сумарокова с Тредиаковским, 1759 г., сообщается, что Сумароков «Картавил, шепелял [вариант: «картавил и сипел»], качался и мигал»⁵³. Между тем, выражение *горазд лгать, да не мигать*, т. е. вся фраза целиком (вместе со своим продолжением в следующей строке) может относиться к Тредиаковскому, который объединяется у Ломоносова с Сумароковым (лжет, как Сумароков, но не мигает)⁵⁴. Ломоносов вообще перечисляет здесь тех, кто так или иначе участвует в решении вопроса «где быть *га* и где стоять *глаголю*»; среди них он упоминает и своих литературных противников, прежде всего Тредиаковского, как представителя ориентации на книжнославянские языковые нормы; см. еще об этом ниже⁵⁵.

Итак, фонетическая структура рассмотренной строки с вероятностью может быть представлена в следующем виде: **G-G-G-G**.

14. *Играть* — это слово, вероятно, могло произноситься, в зависимости от контекста, как с фрикативным (см. этот глагол в новозаветном тексте: I, Коринф, X, 7), так и с взрывным *г* (ср. примеры на просторечное употребление этого слова в словарях Поликарпова, 1704, Вейсманна, 1731, с. 327, и в целом ряде других источников XVIII в.).

В данном контексте оно, можно полагать, звучало с *г* взрывным.

Гулять — произношение с взрывным *г* (несомненный русизм).

Рыгать — произносилось с взрывным *г* (ср. специальную оценку этого слова как «низкого» у Шишкова (1818, с. 14).

Ногти — это слово, вообще говоря, произносилось обычно с фрикативным звуком на месте буквы *г*; свидетельства на этот счет можно найти как у самого Ломоносова (см. его грамматику §101, а также черновые материалы к ней в изд.: Ломоносов, VII, с. 634), так и у других авторов XVIII в. (Шарпантье, 1768, с. 7; Шлёцер, 1904, с. 6). Поскольку, однако, фрикативное произношение было обусловлено в данном случае, видимо, не стилистической принадлежностью слова, а позиционно, допустимо думать, что слово это могло равным образом произноситься и со взрывным: [nokti]. Полагаем, что именно так оно читалось и в рассматриваемом стихе.

Огрызать — также читалось, скорее всего, с взрывным — во всяком случае в данном контексте⁵⁶.

Если соглашаться со сказанным, то структура рассмотренной строки предстает в следующем виде: **G-G-G-G-G**.

15. *Ногаи* — произносилось с взрывным *г*.

Болгары — тоже.

Гуроны — это слово, согласно своей этимологии, в принципе должно было произноситься с *г* фрикативным (происходит от фр. *huron*).

Геты [т. е. «готы»] — должно было произноситься с взрывным ²⁵⁷g.

Гунны — в соответствии с исходной формой это слово должно было произноситься с g фрикативным, ср. нем. Hunnen, лат. Hunni, греч. χοῖννοι, Οὐννοι, Οὐννοι.

Итак, фонетическая структура данной строки предстает в виде G-G-H-G-H. Нельзя ли предположить, однако, что все эти слова, как не имеющие соответствия в церковнославянских текстах, читались с взрывным g, т. е. оформлялись по нормам собственно русской, а не церковнославянской фонетики (аналогично тому, как это происходило со словом *богиня* — см. выше)? Может быть, не случайно в грамматике Ломоносова (§101) к правилу о том, что «въ иностранныхъ реченіяхъ < . . . > выговаривать пристойно как h, гдѣ h; как g, гдѣ g у Иностранныхъ» делается следующее знаменательное примечание: «однако въ томъ нѣтъ дальней нужды». Тогда структуру данной строки можно представить в виде: G-G-G-G-G.

16. *Туги* — произносилось, видимо, с взрывным g.

Головы — несомненно, произносилось с взрывным g (очевидный русизм). См., между прочим, передачу этого слова как *калафы* у фонвизинского Вральмана (ср. у него же и *калоушка* «головушка»).

Иготы [«иготь» — ручная ступка] — в данном контексте произносилось, надо думать, с взрывным g, хотя в принципе не исключено, что это слово могло иметь вообще двойное произношение; на возможность произношения его со спирантом указывает то обстоятельство, что данное слово вошло в «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды, также в «Букварь славенороссийских писмен» Кариона Истомина (см.: Тарабрин, 1916, с. 307 и табл. XXV), наконец, в трехязычном славено-греко-латинском букваре Ф. Поликарпова (1701, л. 119 об). С другой стороны, данное слово вряд ли могло восприниматься как специфический церковнославянизм.

Чугунны — произносилось с взрывным g.

Структура рассмотренной строки: G-G-G-G.

17. *Гнѣвливые враги*; эти два слова целесообразно рассматривать вместе, поскольку данное сочетание представляет собой явную цитату из Псалтыри (XVII, 49): «Избавитель мой отъ врагъ моихъ гнѣвливыхъ»⁵⁸. Оба слова представляют собой вообще несомненные церковнославянизмы и, по всей вероятности, и вне данного контекста, произносились с фрикативным g; тем более, они должны были так читаться в рассматриваемом стихе. *Враг* произносилось с фрикативным g еще и в нач. XIX в., как об этом свидетельствует Гейм (1816, с. 2).

Любопытно, что слово *враги* может рифмоваться в поэ-

зии Ломоносова с *верзи* (поэма «Петр Великий», 1760–1761 гг., ст. 719–720).

Под «гневливыми врагами» имеются ввиду, скорее всего, Тредиаковский и Сумароков.

Гладкословный — произносилось, конечно, с фрикативным *з*, как очевидный церковнославянизм. Любопытно отметить, что это слово, наряду с *гладкословіе*, приводится в так называемых «Аналогических таблицах», послуживших основой для Словаря Академии Российской (САР, I, с. 345); между тем, в сам Словарь ни то, ни другое слово не вошли.

Другъ — это слово произносилось, вообще говоря, с взрывным *з*; имеем на этот счет целый ряд указаний грамматических руководств XVIII — нач. XIX вв. и в первую очередь самого Ломоносова. См. §101 его «Российской грамматики», где констатируется произношение *друг* как *друк*, а также замечание в черновых материалах к грамматике, что «*другъ* не пишутъ *друкъ* ради косвенных падежей», см. изд.: Ломоносов, VII, с. 690; ср. о том же в «Новом российском букваре» 1775 г., с. 21, в грамматиках Шлёцера (1904, с. 4), Родде (1773), Гейма (1789), а также и в более поздних грамматиках Фатера (1808), Таппе (1810), Греча (1834). Знаменательно, однако, что в грамматике Гейма (1816, с. 2), переработанной Вельсином, указывается два возможных произношения для данного слова: *druch* и *druk*. Надо полагать, это вызвано тем, что согласный *з* мог иметь вообще спирантное произношение на конце слова, т. е. перед паузой (см. Богородицкий, 1902, с. 5, который приводит пример *денеж*), т. е. независимо от стилистической принадлежности слова; рефлексy этой черты могут быть прослежены у носителей московского произношения и по сей день. Характерно, что слово *вдруг* может рифмоваться Ломоносовым как с *лук* или *внук*, так и с *дух* (см.: Дурново, 1921, с. 94, примеч.; Обнорский, 1940, с. 59, примеч.). Не менее показательна рифма *рукаж* — *флаг* в ломоносовской оде на день рождения Елисаветы Петровны, 1746 г. (ст. 72–74): в соответствии со своей исходной формой слово *флаг* должно было произноситься, вообще говоря, с взрывным *з* (ср. нем. die Flagge). Знаменательно в этом смысле возражение Сумарокова (X, 85) против этой рифмы: «*Въ рукажъ и флажъ* не дѣлають ни какой рифмы».

Итак, мы вправе полагать, что в рассматриваемом контексте слово *друг* звучало с конечным фрикативным согласным. Действительно, рифму *друг* — *дух*, *друг* — *глух* и т. п. мы находим еще у поэтов нач. XIX в. (при том, с течением времени, вообще говоря, следует ожидать постепенную утрату фрикативного *з*): так, у Озерова, Крылова, Пушкина (см.: Дурново, 1921, с. 94, примеч.),

но, наряду с этим, например, у Пушкина встречаем и *друг* — звук (см.: Булаховский, 1954, с. 19 и сл.).

Тогда фонетическая структура рассмотренной строки предстает в следующем виде: Н-Н-Н-Н.

18. *Толпыги* (ср. *толпыга*, *толпсга*, *телепéга* — бестолковый, грубый, неуклюжий, неотесанный человек) — произносилось с взрывным *г*. Это слово — именно в данном контексте — определяется у Будиловича, 1871, с. 150, как «провинциальное». Следует заметить, что в XVIII — нач. XIX вв. данное слово принадлежало скорее разговорной, обиходной, нежели специально диалектной речи: оно вполне могло прозвучать в устах столичного аристократа, например, в речи Пушкина (см. несколько ниже).

Щоголи — произносилось с взрывным *г*.

Слова *толпыга* и *щеголь* представляют собой очевидные антонимы. Вместе с тем, «толпыги» и «щеголи» объединяются здесь на том основании, что как те, так и другие в языковом отношении выступают в ярко выраженной антитезе к книжному («славенскому») языку⁵⁹. С точки зрения пуриста, и толпыги и щеголи знаменуют две разновидности «порчи» книжного языка. Действительно, в точности такое противопоставление мы находим у Третьяковского в его стихотворном рассуждении о чистоте русского языка (написанном предположительно около 1753 г.; см.: Поэты XVIII в., II, с. 393), который подчеркивает, что «< . . . > нашей чистоте все мера есть славенский, ни ЩЕГОЛЬКОВ, ниже и ГРУБЫЙ ДЕРЕВЕНСКИЙ», при этом «грубый деревенский» у Третьяковского прямо соответствует «толпыгам» у Ломоносова. Как для «толпыг», так и для «щеголей» должно было быть характерно произнесение взрывного *г*: для первых как для представителей «низкого», просторечного произношения, для вторых — в связи с ориентацией их на иностранные языки (и в некоторых случаях, вероятно, на манерный иноземный акцент⁶⁰). Соответственно, Ломоносов называет «толпыг» и «щеголей» в числе тех, кому предстоит решать, «где быть *га* и где стоять *глаголю*». В этом списке, между тем, есть и представители противоположной позиции, т. е. блюстители книжных языковых норм; ср. выше о предположительном намеке на Третьяковского. Соответственно, Ломоносов представляет решение вопроса на их суд: они как бы должны разделить между собой сферы влияния.

Когда — произносилось с фрикативным *г*, см. указание на этот счет у Барсова в «Российской грамматике» (1981, с. 43), ср. сказанное выше о слове *всегда*. Ср., между прочим, *нихазта* (bis!) у Вральмана в «Недоросле».

Досугъ — произносилось, вообще говоря, с взрывным *г* (см. об этом в «Правилах произношения. . .» 1772 г., с. 11, в академиче-

ской грамматике 1802 г., с. 7). Однако в данном случае это слово могло произноситься и с фрикативным — в полной аналогии с тем, что было сказано выше о произношении слова *друг*.

Тогда фонетическая структура данной строки такова: **G-G-N-N**.

20. *Гдѣ* — произносилось обычно с фрикативным *г*, см. выше.

Га — как название *г* в значении взрывного согласного (см. об этом выше), должно было произноситься, конечно, не иначе, как с взрывным *г*.

Глаголю; это слово (название буквы *г*) произносилось с фрикативными *г*. См., между прочим, специальное указание на этот счет в «Российской Грамматике» А. А. Барсова (1981, с. 43).

Структура данной строки, соответственно: **N-G-N-N-N**.

Поскольку при этом в рассматриваемой строке имеет место явная цезура, кажется возможным представить ее таким образом:

N-G
N-N-N

* * *

Итак, фонетическая структура рассматриваемого стихотворения Ломоносова с известной вероятностью может быть представлена в следующем виде:

1. **G-G-N-N**
2. **N-N-N-G-G-G**
3. **N-N-G-N-N-G**
4. **G-N-G-N**
5. **N-N-G-G**
6. **N-N-N-N**
7. **G-G-N-N**
8. **N-N-N-N**
9. **N-N-N-N (N-G-N-G ?)**
10. **N-N-N-N**
11. **G-G-G-G**
12. **G-G-G-G**
13. **G-G-G-G**
14. **G-G-G-G-G (?)**
15. **G-G-G-G-G - (?)**
16. **G-G-G-G**
17. **N-N-N-N**
18. **G-G-N-N**
19. ...
20. **N-G**
N-N-N

Структурная упорядоченность данного текста представляется достаточно очевидной. Каждая строка стихотворения обнаруживает симметрично организованную аллитерационную структуру, представляющую собой ту или иную комбинацию взрывных и фрикативных звуков, соответствующих букве *г*. Аллитерационная структура строки может основываться либо на повторении однородных звуков (взрывных или фрикативных), либо на упорядоченной организации разнородных звуков (взрывных и фрикативных), противопоставленных друг другу; во втором случае последовательность смычных и спيرانтов каждый раз организована по принципу симметрии.

Первые семь строк стихотворения (1–7) представляют различные упорядоченные комбинации слов, произносимых с взрывным *г*, и слов, произносимых с *г* фрикативным. Этот цикл окаймляется фразой, имеющей аллитерационную структуру типа **G–G–H–H**, причем внутри данной группы комбинации не повторяются.

Затем идут десять строк (8–17), где аллитерация строится на повторении однородных звуков. Первые три строки (8–10) этой группы и последняя (17-я) представляют собой последовательности слов, читаемых с фрикативным *г*; напротив, строки 11–16 представляют собой последовательности слов, читаемых с взрывным *г*.

После этого идет строка 18, совпадающая по своей структуре с 1-й строкой стихотворения (а также строкой 7, замыкающей первый цикл комбинационных чередований). Можно считать, что на этом заканчивается упорядоченная в аллитерационном отношении часть стихотворения, которая окаймляется, таким образом, структурной последовательностью **G–G–H–H**, т. к. строка 19 вообще не содержит интересующих нас звуков, а заключительная (т. е. 20-я) строка стихотворения построена по иному принципу, хотя и в ней может быть усмотрена известная упорядоченность.

Остается добавить следующее. Надо полагать, что те слова данного стихотворения, которые читались с *г* фрикативным, вообще произносились по специальным нормам книжной орфоэпии, ассоциировавшимися прежде всего с церковнославянским языком [они характеризуются, наряду с рассмотренным признаком, и такими чертами, как отсутствие смягчения согласного перед *е*, чтение *е* всегда как [e] (никогда как [o]), отсутствие аканья и вообще редукции гласных и т. п., см. описание этих норм в работах: Успенский, 1968; Успенский, 1971]. Напротив, те слова, которые произносились с взрывным *г*, должны были и в других отношениях подчиняться закономерностям живой речи, т. е. произносились вообще по нормам живого русского произношения⁶¹ (в частности, с аканьем и т. п.). Можно заключить, таким образом, что рассматриваемое стихотворение произносилось как стихотворение

МАКАРОНИЧЕСКОЕ — с характерным соблюдением специфических произносительных особенностей, присущих той и другой языковой системе.

Примечания

¹ Этот этап характеризуется, между прочим, семантической дифференциацией параллельно сосуществующих произносительных вариантов, разрушающей отношение взаимно-однозначного соответствия, которое могло иметь место ранее между формами высокого и низкого стиля и, с другой стороны, как бы оправдывающей сам факт сосуществования данных вариантов в пределах одной и той же нормы. Примеры, относящиеся к произношению *z*, будут приведены ниже.

² Имеется в виду произношение латинского *h*.

³ Имеется в виду фрикативное произношение *z* в церковном чтении.

⁴ Имеется в виду взрывной [g] в живой русской речи.

⁵ Аполлос, между прочим, считался в конце XVIII в. одним из знатоков по данному вопросу. См.: Сухомлинов, 1874, с. 219.

⁶ Предположение об авторстве Ломоносова было затем принято С. П. Шевыревым и прочно укрепилось в науке.

⁷ См. эти варианты в изданиях: Сухомлинов, II, с. 387–388 второй пагинации, и Ломоносов, VIII, с. 1043–1044. В дальнейшем мы будем ссылаться на соответствующие разночтения только по мере необходимости.

⁸ Следует указать, что все три стихотворения (принадлежащие, по всей видимости, Ломоносову), которые содержатся в этой тетради Миллера на лл. 3 и сл., были вновь переписаны на лл. 2–2 об. При этом лист, обозначенный сейчас как л. 2, был в свое время ПЕРВЫМ листом тетради: он служил как бы обложкой к ней. С другой стороны, теперешний л. 3, непосредственно следовавший за этой обложкой, открывал тетрадь: с него именно начинался текст. Позднее, однако, к данной тетради был прибавлен новый лист (теперешний л. 1), который стал выполнять функцию обложки, между тем как свободный лист, бывший ранее первым (превратившись таким образом в л. 2), и был использован для воспроизведения содержащихся в тетради стихов более четким почерком.

⁹ См. об этом с. 219 наст. изд.

¹⁰ При воспроизведении сохраняем орфографию подлинника, отступая от нее лишь в следующих случаях: а) слитное написание слов заменяем раздельным, б) в начале строки ставим прописную букву, в) букву ѳ («ук»), которая свободно чередуется с у в оригинальном тексте, передаем через у (противопоставление обоих начертаний относится здесь скорее к компетенции палеографии, чем орфографии), г) букву і передаем как і.

¹¹ *Враги* — несомненная описка; форма *vrági* неизвестна ни русскому литературному языку, ни его диалектам. Во всех других списках читаем *браги*. В дальнейшем изложении мы принимаем соответствующую конъектуру.

¹² В соответствии с орфографическими нормами ожидалось бы *тугия*.

¹³ Название *га* представляет собой усечение от *гамма*, произведенное (для обозначения буквы *г*, читаемой как [g]) едва ли не Третьяковским (см. это название в его «Разговоре об орфографии», см. изд.: Третьяковский, III, с. 269–270; ср. также другие названия для этой буквы, предлагаемые здесь на с. 264). См. упоминание об этом, между прочим, в «Российской грамматике» А. А. Барсова (Барсов, 1981, с. 43). В свою очередь, название *гамма* (или *кгамма*) в книжной (букварной) традиции Юго-Западной Руси выступало как название для буквы *г* («*г* с молоточком»), обозначающей взрывной звук [g] и противопоставленной букве *г* (т. е. *глаголь*), обозначающей фрикативный [ɣ]. Ср. свидетельство Ю. Крижанича (относящееся к сер. XVII в.), что «билорусјани» зовут букву *г* «гаммой» и отличают ее от «глаголя», см. изд.: Крижанич, 1859, л. 127; ср. Успенский, 1968, с. 42.

В XVIII в. и некоторые великорусские авторы предлагают ввести в русскую азбуку «*г* с молоточком» для обозначения взрывного звука, см.: Адодуров, 1731, с. 3–4, Третьяковский, III, с. 261–264, 267–269, позднее Каржавин, 1791, лл. 3–4 (ср. Каржавин, 1794, с. 4–6), также Грëнинг, 1750, с. 5, причем грамматика Грëнинга, как доказывается в другой нашей работе, представляет собой шведский перевод неопубликованной грамматики Адодурова 1738–1740 гг. (см. Успенский, 1975).

В одном из списков (XVIII в.) последняя строка нашего стихотворения читается иначе, а именно: «Скажите, где быть *Н* и где стоять глаголю» (см. изд.: Ломоносов, VIII, с. 1044). Не может быть сомнений в том, что этот вариант не отражает первоначального текста. В другом списке на соответствующем месте стоит слово *гиг* («Скажите, где был *гиг* < ... >», см. там же, а также Сухомлинов, II, с. 388 второй пагинации); может быть, это одно из возможных названий для буквы *г* в значении взрывного звука (типа названия *голь*, предлагавшегося Третьяковским): в этом случае нужно полагать, что данное слово читалось с двумя взрывными: [gig] — которые противостоят здесь двум же фрикативным в слове *глаголь*.

Поскольку название *га* предвосхищает специальные названия букв гражданской азбуки, постольку можно усматривать определенную генетическую связь между этим названием и принятым сейчас названием буквы *г* (*ге*). Действительно, слово *га* может фигурировать в дальнейшем вообще как название буквы *г* в гражданском алфавите, будучи противопоставлено слову *глаголь* как соответствующему названию в церковной азбуке (см., например, у Каржавина, 1791, где буква *г* именуется *gha*), ср. в этой связи слово *абевега* или *абавага*, как эквивалент слова *азбука* (например, у Чулкова, 1768, Каржавина, 1791). Можно сказать, тем самым, что противопоставление гражданских и церковных названий букв

началось именно с наименования буквы *г*, и это обусловлено, конечно, различным произношением этой буквы в церковнославянском и в живом русском языке.

¹⁴ Имеем в виду прежде всего произношение тех носителей литературной речи, которые произносят фрикативное *г* во всех падежах слова «бог».

¹⁵ Ср. в связи со сказанным последовательную транскрипцию слова *богиня* как [baʒiɲɔ] у Трофимова и Джоунза (1923, с. 218, 221, 238).

Знаменательно, что слово *богиня* употребляется у украинцев Подолии в значении ЧЕРТОВКИ, обменивающей младенцев, ср. также польск. *boginka* с тем же значением (см.: Зеленин, II, с. 98). Ср. в этой связи характерное замечание архиерея-миссионера в рассказе Лескова «На краю света» относительно трудности перевода священных текстов на языки сибирских инородцев: «нельзя им подобрать слов: ни мученик, ни креститель, ни предтеча, а пресвятую деву, если перевести по-ихнему <...> то выйдет не наша богородица, а какое-то шаманское божество женского пола, — короче сказать — *богиня*» (см.: Лесков, V, с. 468). Слово *богиня* определенно выступает здесь как АНТИТЕЗА христианскому пониманию высшего существа.

¹⁶ Ср. орфографическое противопоставление в дореформенной орфографии: *Богъ* христианский, но *богъ* языческий.

¹⁷ Будилович (1869, с. 33 второй пагинации) читал последнее слово не *fatuus*, а *falsus*.

¹⁸ И в дальнейшем мы будем пользоваться данными обозначениями при демонстрации фонетической структуры рассматриваемого стихотворения. При этом необходимо оговориться, что мы рассматриваем различные произношения буквы *г* исключительно в плане противопоставления по признаку смычности, отвлекаясь от всех других фонетических признаков (в частности, звонкости), которые могут позиционно варьироваться. Таким образом, обозначение *G* фонетически может соответствовать не только [g], но и [k], *H* — не только [ɣ], но и [χ], и т. п.

¹⁹ Следует сразу сказать — заранее предупреждая возможные возражения — что диалектная принадлежность Ломоносова имеет минимальное значение, когда речь идет об орфоэпических нормах — безразлично, проявляются ли они в специальных рекомендациях его грамматики или в чтении стихов. Вопреки Беркову (1964, с. 412), грамматисты XVIII в., будь то Ломоносов, Адодуров, Тредиаковский, Сумароков, или Барсов, описывая и в значительной степени регламентируя литературное произношение, никак не могли основываться на индивидуальных или диалектных особенностях своей собственной речи.

²⁰ При этом более показательны в этом случае свидетельства насчет взрывного *г*, т. к. фрикативное произношение может быть обусловлено позиционно. См. подробнее ниже.

²¹ Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Р. О. Якобсона, обратившего наше внимание на этот источник.

²² Можно отметить также последовательное упрощение аффрикаты до ее спирантного компонента (т. е. передачу ч в виде ш, ц в виде с) и некоторые другие более мелкие, но вполне определенные модификации.

²³ Само собой разумеется, что в тех случаях, когда в речи Вральмана не происходит оглушения *z*, мы не имеем возможности судить о качестве звука, ср., например, формы *фсегта* «всегда», *гласа* «глаза» и т. п.

²⁴ Нелишне заметить, что Ломоносов должен был ПРОФЕССИОНАЛЬНО знать церковную службу. Известно, что он был «лучшим чтецом в приходской своей церкви». Со стороны матери он происходил, кстати, из духовного сословия. Оставив родные места, он некоторое время отправлял псаломническую должность в Антониеве Сийском монастыре. Точно так же в Москве он служил пономарем в Заиконоспасском монастыре (см.: Пекарский, 1873, с. 269–270, 280; Павлова, 1962, с. 62). Наконец, одно время он готовился к принятию духовного сана (см.: Белокуров, 1911). Само собой разумеется, что достаточную подготовку в этом отношении давали Заиконоспасская семинария и Славяно-греко-латинская академия.

²⁵ Разумеется, следует делать поправку в данном случае на индивидуальное словотворчество Третьяковского, а, следовательно, и на возможность индивидуальных стилистических приемов. Ср., однако, такие красноречивые соответствия в «Тилемахиде», как: *перси* — *грудь* (кн. I, IV bis, XVII, XIX, XX), *рамо* — *плечо* (кн. IV, IX), *выя* — *шея* (кн. IV, V, VII, ср. *островыйный* — *острошейный*, кн. II), *ланиты* — *щеки* (кн. IX), *длань* — *ладонь* (кн. XI), *дщерь* — *женщина* (кн. XVIII), *музикя* — *музыка* (предисловие и кн. XXIV), *клевет* — *товарищ* (кн. VI, IX), *вреск* — *вереск* (кн. XI, XX), *сланый* — *соленый* (кн. IV, XXIV), *зело* — *весьма* (кн. IV), *сице* — *сим образом* (кн. XX), *камо* — *куда* (кн. XVII), *мнее* — *меньше* (кн. XV), *воздвиг* — *поднял* (кн. IX) и т. д. и т. п. (Слева каждый раз приведено слово, употребленное в тексте поэмы, а справа — соответствующая глосса к нему). Уже и из приведенных примеров видно, между прочим, что глоссы служат здесь не столько для ОБЪЯСНЕНИЯ (как это обыкновенно полагают); сколько для СТИЛИСТИЧЕСКОГО СООТНЕСЕНИЯ: мы имеем здесь именно стилистический словарь, а не толковый.

²⁶ Правда, «Правила о произношении...» 1772 г. (с. 11) приводят слово *гора*, наряду с *голену*, *глаза*, *гаварю*, как пример слова, где *g* звучит как взрывной согласный: по-видимому, здесь имеет место ссылка на разговорное произношение. Менее показательна транскрипция «отъ горы» как *odgory* у Шлёцера в его грамматике 1764 г. (см.: Шлёцер, 1904, с. 7): Шлёцер, как иностранец, вообще мог в большей степени ориентироваться в своей грамматике на живую книжную речь, чем это было допустимо для самих русских авторов.

²⁷ Иначе говоря, произношение слова *ягмять* определяет в данном случае произношение всех других слов данной фразы.

²⁸ Ср. в черновых материалах к грамматике Ломоносова транскрипцию: *Мозгъ, мозк. Мозгу, мозгу*, см. изд.: Ломоносов, VII, с. 634).

²⁹ Любопытна, однако, форма *denye* во фразе *Yas tebye dam denye* (= *Je vous donneray de l'argent*), в записях французских моряков 1586 г., произведенных в архангельской земле (см.: Ларин, 1946, с. 46). Форме *denye* может соответствовать здесь *деньги* и *денег*; особенно в первом случае можно видеть указание на фрикативное произношение *z*.

Отметим еще, что слово *деньги* фигурирует в «Церковном словаре» П. Алексеева, причем здесь приводится выражение из Чина исповедания: *деньги ложные*. Это, конечно, русизм, допустимый, быть может, именно в Чине исповедания в связи со специфической функцией исповеди и ее диалогическим характером.

³⁰ Таким же образом Ларин объясняет здесь же и фрикативность *z* в формах *boxat* (исправлено из *bohat*) «богат», *bohatir* «богатырь», что совсем уже не выдерживает критики.

³¹ Сообщение того же автора, что и *Богъ* читается *бог* (см. там же, л. 1 об. тетради «Е»), следует признать недоразумением (ср. троекратную транскрипцию этого слова как *Boh* у Копиевича, см. лл. 2–2 об. тетради «А»).

³² Форма *hodou*, которая встречается здесь же один раз (в совершенно аналогичном значении) — явная описка или опечатка.

Ср. также передачу *godъ* как [god] в немецкой грамматике Таппе (1810), но, между тем, как [ghot] в грамматике Гейма (1816, с. 2 — наряду с *blagho, bogha, leghtsche*, но также *ghruscha, moghu*).

³³ В стихах Ломоносова *бегъ* рифмуется с *успѣхъ* (см. Поздравление Г. Г. Орлову на благополучное возвращение Екатерины из Лифляндии, 1764 г., ст. 13–14), ср., однако, ниже о возможности чисто позиционного объяснения рифм такого рода.

³⁴ См. об этом выше, с. 219 наст. изд.

³⁵ До некоторой степени показательным может считаться, например, употребление этого слова в «Приветствии, сказанном на шутовской свадьбе» (1740 г.) Тредиаковского, написанном в подчеркнуто скомошьном стиле (см. изд.: Тредиаковский, 1935, с. 171):

Квасни [вариант: «квасник». — Б. У.] дурак и Буженинова б. . . ка
Сошлись любовно, но любовь их гадка.

Это слово можно встретить также в комедиях и вообще в произведениях низкого жанра. Для книжного стиля оно, кажется, нехарактерно.

³⁶ Последнее издание заново осуществлено по тетради Миллера, но, по недоразумению, по переписанному варианту, а не по более раннему (и более верному) списку; ср. выше. Иначе говоря, В. Н. Макеева, готовившая текст данного стихотворения и сверявшая его с рукописными оригиналами, просто не заметила этот более ранний список. Поэтому она не ссылается на форму *гадка* и при указании вариантных чтений. (Указание на соответствующее разночтение можно встретить, между тем, в примечаниях М. И. Сухомлинова к академическому изданию

произведений Ломоносова; см. изд.: Сухомлинов, II, с. 387 второй пагинации. Сухомлинову, следовательно, данный список был известен; однако основной текст, в соответствии со своими эдиционными установками, Сухомлинов воспроизвел по первой публикации, т. е. по публикации С. П. Шевырева и, при том, с орфографическим унифицированием).

³⁷ Между тем, слово *горд* могло произноситься Ломоносовым с взрывным. См. в материалах к его «Российской грамматике» транскрипцию: *Гордь. Gort* (см. изд.: Ломоносов, VII, с. 634).

³⁸ Следует заметить, что Ломоносов не только читал данное слово с фрикативным, но и мог, видимо, писать его через *x*. По указанию Сухомлинова, из всех вариантов ломоносовской грамматики, обозначенных 1755-м г., только в одном, вышедшем уже после смерти Ломоносова, слово *мяжкiя* в §24 набрано через *g*, тогда как во всех других изданиях представлена форма *мяжкiя* (см. изд.: Сухомлинов, IV, с. 35 отдельной пагинации примечаний).

³⁹ Между тем, у самого Тредиаковского этот стих читается несколько иначе, а именно: «Чудище, обло, озорно, огромно, съ тризвѣной и-Лáей» (т. е. с тризвонной пастью, где *лая* — «пасть», а *и* — вставной слог); ср.: Орлов, 1935, с. 35. Можно сказать, таким образом, что Радищев стилистически отредактировал цитированную фразу Тредиаковского, избавив ее от специфических языковых инноваций последнего и определенно ее архаизировав (ср. особенно церковнославянскую форму причастия). Тем более знаменательно, что в условиях этой стилистической архаизации был сохранен интересующий нас эпитет (*огромно*).

40

Я вящши учиню премены,
Когда градов пространны стены
Без пагубы людской сотру,
В огромные столпы сберу;

...

Превыше будут те Мемфийских
Монархов славою Российских.

⁴¹ Ср., между прочим, у Солосина (1913, с. 269) о реминисценции стиха из Псалтыри (XVIII, 6) в поэзии Ломоносова («Яко жених исходяй от чертога своего» — у Ломоносова в оде Елисавете Петровне 1757 г., ст. 148: «Жених как идет из чертога»). В поэзии Ломоносова слово *чертог* рифмуется с *бог* (см.: Обнорский, 1940, с. 59, примеч.), но подобные рифмы могут объясняться и чисто позиционно, ср. ниже.

⁴² Менее показательна, вообще говоря, рифма *недуг* — *дух* в ломоносовской «Оде на новый 1764-й год» (ст. 27–30): см. о подобных рифмах ниже.

⁴³ В значении «нахальный, дерзкий, бесстыдный» (наряду с «сильный, бурный, стремительный») это слово фиксируется — в литературном языке — во всяком случае уже в Словаре Академии Российской (САР, IV, 466). Между тем, для разговорного языка подобное

значение отмечается гораздо раньше, см., например, в Вейсманнове немецко-латинско-русском лексиконе 1731 г. В славено-греко-латинском словаре Ф. Поликарпова 1704 г. слово «наглый» соответствует вообще по значению словам «*διφύβιος, repentinus, repens, subitus*» (л. 180), однако, к словам «напрасливый, наглый» дается, наряду с соответствующим переводом, отсылка: «зри продерзостный» (л. 183 об.); нетрудно увидеть в последнем случае невольное отражение живого словоупотребления, не соответствующего книжным языковым нормам.

⁴⁴ Можно сослаться в этой связи на любопытное примечание к рассматриваемому слову в анонимном стихотворении 1753 г., написанном в ответ на известную «Сатиру на петиметра и кокеток» И. Елагина. Употребив в стихотворном тексте выражение *кокетки наглые*, автор сообщает в примечании: «Кокетки наглými здесь названы затем, что сатирик[а] [т. е. Елагина — Б. У.] немилосердых им эпитетов мне здесь употребить не хотелось, а необходимо нужно их так представить надлежало. . .» (см. изд.: Поэты XVIII в., II, с. 382). Автор имеет в виду употребление Елагиным выражения *кокетки бешеные* (см. в том же изд., с. 374), которое ему необходимо было процитировать, но которое он заменил БОЛЕЕ ПРИЛИЧНЫМ синонимическим выражением *кокетки наглые*. Таким образом, в сер. XVIII в. — т. е. именно в те годы, когда было написано рассматриваемое в настоящей работе стихотворение Ломоносова! — даже в сатирическом произведении слово *наглый* употребляется в том значении, которое свойственно книжному языку. Вместе с тем, возможность омонимического значения совершенно исключается автором: выражение *кокетки наглые* звучит, по его мнению, заведомо более благоприятно по отношению к кокеткам, чем (синонимичное) выражение *кокетки бешеные*. (Ср., однако, выражение *наглых врак* в ломоносовской эпиграмме на примирение Сумарокова с Тредиаковским 1759 г., а также антонимическое противопоставление «наглої» лжи и «кроткой» правды в «Оде < . . . > в славу правды» Тредиаковского 1735 г., где одновременно ложь именуется: «Чудовище < . . . > наглостью сурово», см. изд.: Тредиаковский, 1935, с. 164).

Отметим еще, что известный стих Ломоносова в Оде Елисавете Петровне 1747 г., ст. 55: «Вы, наглы вихри, не дерзайте», — прямо соответствует стиху в ломоносовской оде 1745 г. на бракосочетание Петра III и Екатерины, ст. 29: «Вы, бурны вихри, не дерзайте» (который в свою очередь может быть соотнесен со стихом Тредиаковского в оде на сдачу Гданска, ст. 9: «Бурны ветры! не шумите», см. изд.: Тредиаковский, 1935, с. 184). Оба ломоносовские выражения следует признать за синонимичные.

⁴⁵ Употребление слова *острог* в этом специальном значении (фиксируемом, в частности, уже в Словаре Академии Российской) — кажется, относительно недавнее явление. Ср., например, отчетливое противопоставление слов *острог* и *тюрьма* в документе 1676 г., относящемся к истории соловецкого мятежа, изданном у Субботина, III, с. 356. Здесь говорится, что выходцы из Соловецкого монастыря, которые изъявили раскаяние и признали новые обряды, «посланы в Сумской острог»,

тогда как нераскаившиеся мятежники «посажены в Сумском остроге в ТЮРЬМУ».

⁴⁶ О соответствующем противопоставлении книжной и некнижной речи см. особенно §173 грамматики Ломоносова, где указывается, что следует говорить «*святаго духа; человеческого долга; ангельскаго гласа*; а не *святаго духу, человеческого долгу, ангельскаго гласу*» и, напротив, «*свойственнѣе говорится розоваго духу; прошлогоднаго долгу; птичьаго голосу, нежели розоваго духа; прошлогоднаго долга; птичьаго голоса*».

⁴⁷ См. цитату из Тредиаковского выше, с. 223 наст. изд.

⁴⁸ Ср., между тем, критику этого последнего ломоносовского выражения в «Записных книжках» кн. П. А. Вяземского. По мнению Вяземского, «*Багряное око — никуда не годится. Оно вовсе непозитически означает воспаление в глазу и прямо относится до глазного врача*» (см.: Вяземский, 1929, с. 62; здесь же и другие примеры употребления эпитета *багряный* в ломоносовской поэзии). Надо полагать, что для самого Ломоносова подобное толкование в принципе могло быть применено только к выражению *багровый глаз*, но никак не к выражению *багряное око*; именно средства выражения высокого стиля, необходимо ассоциировавшиеся с высокой материей, исключали возможность такого толкования; ср., вместе с тем, отмеченную выше семантическую противопоставленность обоих прилагательных. Вяземский же судит с позиций нового времени, когда соответствующее различие перестало быть актуальным, и оба выражения стали восприниматься как совершенно синонимичные.

⁴⁹ Ср. еще выражение *кровавые очи* (речь идет о Боге Марсе) в оде Ломоносова 1741 г. на «первые трофеи» Иоанна Антоновича, ст. 21). Ср. в связи со сказанным употребление Ломоносовым выражения *багрова земля* в смысле «кровавая земля» в оде Елисавете Петровне 1742 г. (ст. 127) и вообще довольно характерное для ломоносовской поэзии сочетание слов *кровь* и *багрить(ся)* (см. оды 1741 г. на день рождения Иоанна Антоновича, ст. 139, или на его первые трофеи, ст. 198, и строфа 23, ст. 230).

⁵⁰ В отношении стилистической принадлежности этой формы ср. соответствие в Лексиконе первой пол. XVIII в., изданном Аверьяновой (1964, с. 162): «Лгание — [русское] ложь». Характерно, что Тредиаковский, со свойственным ему стремлением семантически разграничить сферы действия церковнославянского и русского языков может различать данные формы по значению: *ложь* — явление, противопоставленное ЛОГИЧЕСКОЙ истине, *лгание* — ЭТИЧЕСКОЙ (см. в его рассуждении «О слове, или словесности», ср. Копорский, 1961, с. 295).

⁵¹ Если в настоящее время *лгать* может восприниматься как абсолютный синоним по отношению к *врать* и, соответственно, противопоставление этих глаголов сводится исключительно к СТИЛИСТИКЕ, то в свое время между ними было СЕМАНТИЧЕСКОЕ различие (сохранившееся в говорах), которое и выступало на первый план: *врать* значило не только и не столько «говорить неправду», но употреблялось в более

широком значении «болтать, суесловить, пустословить, говорить несерьезно» и т. п. (ср. более общее значение и у глагола *воровать* в этот же период: «делать не как надо, не в соответствии с правилами»; см., между тем, об этимологической связи этих глаголов у Фасмера, I, с. 350). Достаточно показательно в этом отношении соотношение соответствующих корней в следующей строке из притч Сумарокова (VII, с. 198): «И безо ЛЖИ НЕ ВРЕТЬ ни слова одново».

Тем самым глагол *лгать* мог выступать в соответствующий период в низком стиле, выполняя функцию современного *врать*.

⁵² Ср. замечание Тредиаковского по поводу слова *миг* (в связи с разбором следующих строк Сумарокова: «В единый миг своей рукой / Объяла все свои границы»): «слово *миг* есть подлое и, следовательно, не одическое. Вместо его высоким стилем говорится *мгновение ока*.» (См. изд.: Куник, 1865, с. 459).

⁵³ Ср. в этой связи также в полемической ломоносовской притче «Свинья в лисьей коже», 1760–1761 гг., направленной против Сумарокова: «Свинья < . . . > кривляя рожу, *моргала*» (ст. 2–5).

Отметим, кстати, что к Сумарокову следует отнести и выражение *чермной мигун* (или в «славенской» параллели: *чермный мигатель*), которое находили в цитированной уже выше эпиграмме Тредиаковского («Не знаю, кто певцов в стих вкинул сумасбродный. . .», см.: Поэты XVIII в., II, с. 392). Тредиаковский пишет, что тот, кто *вникает* в славенский язык,

Увидит, что там злой кончится нежно злой
И что *чермной мигун* — мигатель то ж *чермный*.

Эпитет *чермный* относится, конечно, к рыжизне Сумарокова (ср. насмешки над его рыжизной в других эпиграммах, см., например, эпитет *красношерстый* в эпиграмме, приводимой у Сухомлинова, II, с. 235–236 второй пагинации). См. подробнее с. 283 и сл. наст. изд.

⁵⁴ В той же ломоносовской эпиграмме 1759 г., между прочим, читаем:

Аколаст [т. е. Сумароков] написал:
Сотин [т. е. Тредиаковский] лишь врать способен,
А ныне доказал, что сам ему подобен.

Здесь имеется в виду фраза из «Эпистолы о стихотворстве» Сумарокова 1748 г., где Сумароков писал, что Тредиаковский «лишь только врать способен», причем этот отзыв был противопоставлен панегирической оценке Ломоносова. Если считать, что глагол *лгать* в анализируемом стихотворении Ломоносова «О сомнительном произношении буквы *г* в Российском языке» заменяет собой близкий по значению (хотя и не являющийся абсолютным синонимом) глагол *врать* в цитированной фразе Сумарокова — эта замена может легко быть объяснена, между тем, наличием буквы *г* в слове *лгать* и отсутствием ее в слове *врать*, — то можно усмотреть здесь совершенно определенное указание, что разбираемое выражение *горазд лгать, да не мигать* относится именно к Тредиаковскому. Правда, данная эпиграмма датируется 1759 г., тогда как

анализируемое нами стихотворение обыкновенно относят к 1748–1754 гг. Следует, однако, иметь в виду, что как та, так и другая датировка предположительна и не основывается на твердых данных; особенно сомнительной кажется датировка эпиграммы.

Косвенное подтверждение высказанному предположению (относительно намека на Тредиаковского) может быть усмотрено в следующей строке рассматриваемого стихотворения. См. ниже.

⁵⁵ Если согласиться с высказанной гипотезой о полемической направленности некоторых строк нашего стихотворения, то можно предположить, что оно было написано не ранее 1753 г., когда литературная полемика приняла особенно активные формы (о чем см. у Сермана, 1964). Вместе с тем, если принимать тот временной диапазон, который ранее предлагался исследователями для этого текста (1748–1754 гг.) и который основывается на предположении, что Ломоносов написал его в период работы над своей грамматикой, то можно уточнить датировку рассматриваемого произведения, относя его к 1753–1754 гг.

⁵⁶ Выражение *ногти огрызать*, может быть, намекает опять-таки на Тредиаковского. Ср. следующее описание Тредиаковского в «Сатире на самохвала» 1752 г., написанной близким сотрудником Ломоносова — И. С. Барковым (цит. по изд.: Поэты XVIII в., II, с. 371:

Руки на лоб иногда невзначай закинешь,
Иногда закусишь перст, да вдруг же и вынешь.

⁵⁷ Ср., между тем, в словаре Орлова 1885 г. указание на произношение *готический* с фрикативным *г* — несомненный гиперкорректизм.

⁵⁸ Эта цитата, между прочим, не отмечена у Солосина (1913) в его сводке реминисценций из церковнобогослужебной литературы в поэзии Ломоносова (так же как и в более раннем исследовании Дороватовской, 1911, на ту же тему).

⁵⁹ Для выяснения значения слова *толпыга* (*толпега*) и вообще возможности семантического сближения его со словом *щеголь*, необычайно ценно следующее свидетельство об употреблении его Пушкиным, донесенное до нас в воспоминаниях А. О. Россета (1882, с. 246): «В Петербурге жила некая княгиня Наталья Степановна [Гончарова. — Б. У.] и собирала у себя *la fin fleur de la société*; но Пушкина не приглашала, находя его не совсем приличным. Пушкин об ней говорил: «Ведь она только так прикидывается, в сущности она русская *труперда* и *толпёга*; но так как она все делает по-французски, то мы будем ее звать: *La princesse-tolpege*».»

Что же касается *щеголей* (или *петиметров*), то хорошо известна, по многочисленным сатирическим произведениям, та роль, которую они играли в культурной жизни русского общества XVIII в. Следует только подчеркнуть, что щеголи в большой степени представляли собой явление СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ: сатирические обличения щеголей наполнены обсуждением лингвистических проблем.

⁶⁰ Ср. замечания Тредиаковского (III, с. 164) об особой социальной функции чужестранного акцента в русском обществе сер. XVIII в. Ср. в этой связи ремарки типа «голосом петиметра», которые могут встретиться иногда в комедиях второй пол. XVIII в. (см.: Берков, 1949, с. 38, 48), и которые, может быть, указывают на какие-то специальные особенности произношения «щеголей».

⁶¹ Последние были описаны, между прочим, тем же Ломоносовым.